

Она выключила свет, и внутри пробивался лишь неоновый ответ с улицы, расстилаясь по полу тусклым оранжево-грязным слоем.

Мацуда Мурасаки прижалась спиной к изголовью кровати, подтянув ноги и положив подбородок на колени. Экран телефона был тёмным, сообщение от Джина она уже прочитала, но уходить не спешила.

Она прикинула в уме.

Дзинпэй в этом году исполнился пятнадцатый год. Должен пойти в первый класс старшей школы.

В её памяти всплыло последнее лицо брата — десятилетний, с круглым лицом, правильными чертами, а брови — точь-в-точь как у неё, вечно норовят встать дыбом, а когда злится, всё лицо превращается в один сплошной комок.

Время летит быстро. Прошло почти шесть лет.

Дзинпэй наверняка сильно вытянулся. Батя ростом за метр восемьдесят, так что Дзинпэй коротышкой не останется. Кто знает, может, сейчас он уже выше её на добрых несколько десятков сантиметров и на улице запросто сможет заслонить ей обзор.

Она представила эту картину: Дзинпэй в старшекласной форме, за плечами рюкзак, волосы слегка завиваются, и он вышагивает по улице с таким самодовольным видом. Уголки её губ сами собой чуть приподнялись.

Но затем мысленный образ покатился дальше.

А что, если кто-нибудь брякнул при нём то, что касалось отца?

Она слишком хорошо знала языки местных соседей: дочка того самого типа, ребёнок убийцы. В детстве ей доводилось слышать подобное, и она прекрасно понимала каково это — ты всё слышишь, но ответить не смеешь, потому что стоит открыть рот, как тут же подтвердишь: «Сразу видно, воспитание хромает».

С упрямым характером Дзинпэя он точно стерпеть бы не смог.

Наверное, он ввязался не в одну драку. От этой мысли она вздохнула, словно внутри вспыхнуло пламя. Ещё в десять лет Дзинпэй смело шёл с кулаками на старшекласников, а в пятнадцать он станет ещё безумнее.

Она даже живо представила эту сцену: Дзинпэй швыряет рюкзак на землю, наносит удар, в

уголках рта запеклась кровь, а в глазах такая свирепость, будто готов сожрать противника живьём.

Дурачок.

А отец?

Она не знала, выпустили ли отца. Если освободили, вернулся ли он снова в тот дом, усевшись на диван с бутылкой наперевес? Если всё обстоит так —

Её пальцы впились в простыню, процарапав крошечную дырочку.

Мама.

Мама, должно быть, сильно похудела. Она и без того не отличалась полнотой, а стоило ей рассердиться или опечалиться, как кусок в горло не лез. В тот день, когда она ушла, мама с утра жарила яйца на кухне, и край одного слегка подгорел; Мурасаки откусила кусочек и бросила: «Подгорело», а мама взглянула на неё и ответила: «Не хочешь — не ешь», но всё же пожарила ей новое.

Она попыталась вспомнить вкус того яичника, думала долго, но так и не смогла воссоздать его в памяти.

Она опустила взгляд на собственные руки. Пальцы тонкие, на суставах мозоли, ладони грубые — совсем не девичьи. Если положить такую руку на плечо пятнадцатилетнего Дзинпэя, он наверняка покажется слишком хрупким.

Телефон вибрировал.

Она взяла его: это было второе сообщение от Джина:

Рам уже ждёт.

Она бросила беглый взгляд, заблокировала экран и сунула телефон обратно в карман.

Затем поднялась и направилась в ванную. Лицо в зеркале уже не вызывало у неё никаких эмоций — пятнадцать лет, щёки узкие, кожа мертвенно-бледная, глаза довольно большие, черты лица сильно напоминают матушку, а на верхней губе родинка. Увидь её Дзинпэй, вероятно, возможно, должен был бы узнать.

Она открыла кран и плеснула в лицо холодной водой. Капли покатались по подбородку,

застучали о раковину, рассыпаясь крошечными брызгами.

Она подняла голову, вода с кончиков волос скатилась на шею, и от холода она передернула плечами.

Она подумала —

Когда она закончит то, что должна сделать, когда окажется на достаточно близком расстоянии, она однажды непременно вернется в тот квартал, встанет у школьных ворот и посмотрит, каким стал Дзинпэй.

Она не станет подходить. По крайней мере, сейчас.

Но она постоит в каком-нибудь незаметном месте, посмотрит, как Дзинпэй выходит на улицу, опустил ли он голову или держит подбородок гордо поднятым, один он или в компании друзей.

Посмотрит, остался ли он похож на того маленького дурачка, что семенил следом и кричал: «Сестра, подожди меня!»

.....

Мацуда Мурасаки сидела на краешке кровати, экран телефона светился, и на нём всё ещё красовалось сообщение от Джина.

Рам. 21:00. Адрес отправлен. Напарник назначен. Смотри не прикончи его.

Она уставилась на последнюю фразу секунд на тридцать, внезапно тихонько усмехнулась и напечатала в ответ всего один знак: «Угу».

Затем она швырнула телефон на кровать, и в ту же секунду раздался стук в дверь.

На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти с небольшим, круглолицый. Телосложение шло вразрез с детским лицом, одет он был в не совсем ладный по фигуре костюм, в руке держал портфель, а улыбался так, словно промышлял продажей страховок.

— Привет-привет, мой позывной Каберне, господин Рам прислал меня к вам в напарники...

Он слегка приподнял портфель: — Тут такое дело, Рам сказал, что материалы по заданию у меня, может, сверимся для начала...

— За руль.

— А?

— Где машина.

Каберне кивнул в сторону улицы. Грейнджер уже проскользнула мимо него, не замедляя шага. Каберне трусой бросился следом: — Погодите, я же еще не рассказал вам детали задания...

— По дороге. Раз уж твой рот не закрывается ни на секунду, пустишь его хоть на какое-то полезное дело.

Каберне: —Спасибо, что цените мой рот по достоинству.

Автомобиль представлял собой серую Тойоту — из тех, на каких ездит любой заурядный офисный клерк среднего возраста. Мацуда Мурасаки села на пассажирское сиденье, пристегнула ремень, окинула взглядом приборную панель и изрекла: — Машина на удивление чистая.

— Я только на прошлой неделе мыл, — в голосе Каберне прорезалось робкое чувство гордости.

— Надо же, какая гордость.

Гордость Каберне рассыпалась в прах.

Он завёл мотор и, выруливая, вытащил из портфеля стопку бумаг: — Так, переходим к делу. Портовое управление полиции, архив, третий этаж. Цель — оригиналы отчёта о расследовании трёхлетней давности по делу о взрыве и опись вещественных доказательств. Рам хочет убедиться, не произошла ли утечка какой-либо информации, связанной с Организацией.

— Охрана?

— Двое в коридоре, двое в мониторной.

— Время пересменки?

— Два часа ночи.

— Линии наблюдения?

— Подземный распредел...

— Ты идёшь. Четыре минуты. Я жду тебя здесь. — Грейнджер легко взмахнула рукой.

Каберне дрогнул, и руль вильнул градусов на пять. — Я иду?

— В мониторную. Вырубать сеть.

— Но я же по аналитической части, госпожа! Я пишу отчёты, я по полевой работе не специалист...

— Рам приставил тебя ко мне, значит, посчитал полезным. Или хочешь пойти рубиться врукопашную?

Каберне умолк. Поразмыслив секунд пять, он выдавил: — Четырёх минут может не хватить, постараюсь за шесть.

— Если не вернёшься через восемь минут, я сочту тебя мертвецом и уйду одна.

— Проявите же хоть капельку товарищеской солидарности.

— Твоё имя фальшивое, табельный номер выдуманный, а компенсация в случае гибели уйдёт на несуществующий счёт.

Каберне умолк окончательно. Он припарковал машину в переулке напротив портового управления полиции, заглушил двигатель и тяжело вздохнул, точно отправляясь на плаху.

Грейнджер опустила стекло и с вызовом подмигнула ему: — Вернись живым! Отчёт-то тебе писать.

Каберне замер на секунду, и в его глазах даже промелькнуло подобие трогательной благодарности. — А вы, оказывается, в душе...

— Не засиживайся. Марш на выход. Ещё пара минут трепотни, и охрана как раз закончит пересменку.

Вторая половина благодарности Каберне окончательно рассыпалась.

Он обошёл здание с тыла, пока Грейнджер заходила через главный вход. Подгадав момент, когда охранник отвлекся на сигарету, она шмыгнула в лестничный пролёт, поднялась на третий этаж, в архив, взломала замок, проскользнула внутрь и принялась шарить по шкафам.

Движения её были чистыми и отточенными, словно этот танец репетировали сотню раз.

Сектор Е, седьмой шкаф, три года назад, дело о взрыве. Семь отчётов, два бланка описи вещдоков, пачка фотографий. Натянув перчатки, она принялась переснимать всё подряд на миниатюрную камеру, страница за страницей.

Документы казались исчерпывающими, однако самого главного в седьмом шкафу не оказалось — судя по всему, кто-то унёс бумаги заранее.

В наушнике слышался голос Каберне, звучавший с тяжёлой одышкой: — Линия разорвана... Но один дежурный залипал в телефон и не смотрел на мониторы, кажется, он ничего не заметил... А у тебя как дела...

— Почти закончила. Ты жив?

— Жив... но мне кажется, у меня ноги дрожат, это вообще нормально?..

— Нормально, значит, тебя распирает от восторга.

— Правда, что ли?

— Нет.

Каберне помолчал три секунды и протянул: — Госпожа, не могли бы вы сказать что-нибудь более успокаивающее.

— Ты ещё жив. Разве этого мало для душевного спокойствия?

— ...Ну ладно уж.

Она убрала аппаратуру, вернула дверцу шкафа на место и вышла. В конце коридора слышались шаги; метнувшись в подсобку, она выждала тридцать секунд, вышла и двинулась вниз.

Каберне уже сидел в машине, бледный как полотно. Стоило ей забраться внутрь, как он шумно выдохнул: — Заполучила?

Она швырнула ему карту памяти.

Каберне поймал её обеими руками, словно священный указ: — Отлично, просто отлично, миссия выполнена, можем возвращ...

— За руль.

— Опять? Куда?

— Ловить крысу.

А?!!

В девять сорок вечера она достигла пункта назначения.

Старое офисное здание, восемь этажей, лифт отсутствовал, на лестничной площадке не горели две лампы. Нужный ей человек находился на седьмом этаже, в конторе с вывеской Киохара Эдиториал, в окнах горел свет.

Грейнджер простояла внизу минут пять, наблюдая за входящими и выходящими. Без пяти десять из здания вышел мужчина в мятой рубашке, с портфелем в руке, и на ходу куда-то звонил, судорожно повышая тон.

Цель.

Она последовала за ним на почтительном расстоянии в десяток метров. Мужчина свернул в переулок, продолжая разговор, и голос его звучал всё громче: — Я знаю, знаю, всё при мне, но эту штуку я ещё не...

Свернув за угол, он врезался в кого-то невысокого ростом.

Грейнджер стояла прямо перед ним, лицо наполовину скрывала чёрная медицинская маска, руки засунуты в карманы штормовки, а козырёк кепки низко надвит на глаза.

Мужчина опешил: — Ты ещё...

Дотолковать он не успел. Грейнджер двинула его кулаком в живот, рассчитав силу ровно настолько, чтобы он согнулся пополам, но не потерял сознание. Портфель брякнулся оземь; она наклонилась, подобрала его, расстегнула — внутри обнаружилась пачка документов и флешка.

— Кто тебя послал? — согнувшись в три погибели, просипел мужчина.

— Твой босс, — бросила Грейнджер. — Из Организации.

Лицо мужчины перекошило. До него дошло, что речь идет вовсе не о заурядном грабеже.

Он попытался броситься наутек, но Грейнджер схватила его за шиворот и легко притянула

обратно, словно котенка. — И куда это мы собрались. Я же не говорила, что пришла убивать.

— Вы... вы только что меня ударили...

— То было приветствие, — пояснила она. — Вещички твоего босса мы забираем. Можешь катиться, но позволь дать совет — тот звонок, что ты только что совершил, я записала. Кому именно его отправить, ты и сам прекрасно понимаешь.

Мужчина замер на месте, лицо его то беднело, то зеленело. В конце концов, не произнеся ни слова, он со всех ног бросился наутек, спотыкаясь на каждом шагу.

Проводив его взглядом, Грейнджер сунула флешку в карман, запихнула бумаги обратно в портфель и зашагала назад. На выходе из переуллка завибрировал телефон.

Подтвердить ликвидацию?

Она отстучала в ответ: Жив, товар на руках. Понятие ликвидации стоило бы формулировать точнее.

Каберне откликнулся лишь спустя долгое время коротким: Ладно уж.

Убирая телефон, она помедлила возле круглосуточного магазинчика. Раздвижные двери разъехались, пахнув на неё прохладой из кондиционера. Простояв у полок три минуты и посомневавшись между рисовыми колобками и сэндвичами, она в итоге взяла пару онигири.

На кассе продавец осведомился: — Подогреть?

— Без разницы.

Продавец бросил на неё косой взгляд — видимо, сообразив, что связываться с этой девицей себе дороже, — и дрожащими руками засунул оба колобка в микроволновку.

Устроившись на высоком стуле у окна круглосуточного магазина, она ела и наблюдала за улицей. В здании напротив окна гасли одно за другим, прохожие спешили по своим делам, и никто из них не удостоил её даже беглым взглядом.

Телефон снова вибрировал. На сей раз от Каберне.

Ну что, закончили? Погнали перекусим...

Не хочу.

Да я так, спросил просто, у тебя такой тон, будто я у тебя под дверью помойку устроил...

Крыса обезврежена. Флешка уже переслана.

Так быстро?! Ты даже без ствола ходила?

С языком наперевес.

Каберне помолчал пару секунд, а затем прислал смайлик с поднятым вверх большим пальцем.

Довези меня до дома, мне нужно выспаться.

<http://bllate.org/book/21192/2145568>